

В. Владмели

Приметы
и религия
в жизни
А.С.Пушкина

16+

Владимир Владмели

**Приметы и религия в
жизни А.С. Пушкина**

«Автор»

2019

Владмели В.

Приметы и религия в жизни А.С. Пушкина / В. Владмели —
«Автор», 2019

В повести «Приметы и религия в жизни Пушкина» жизнь великого поэта освещается с малоизвестной стороны.

© Владмели В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Приметы и религия в жизни А.С.Пушкина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Владмели

Приметы и религия в жизни А.С. Пушкина

Ф.И.Толстой-Американец

Американец и цыган

На свете нравственном загадка,

Которого как лихорадка

Мятежных склонностей дурман

Или страстей кипящих схватка

Всегда из края мечут в край

Из рая в ад, из ада в рай,

Которого душа есть пламень,

А ум – холодный эгоист.

Под бурей рока – твердый камень,

В волненье страсти – легкий лист.

П.А.Вяземский

Американец

Картежник и гуляка, дуэлянт и путешественник, патриот и сорвиголова, Ф.И.Толстой родился в 1782 году. Окончив Морской Кадетский Корпус, Федор начал службу в Преображенском полку.

Служба не очень обременяла молодого человека, и он искал острых ощущений. Узнав, что в России строится воздушный шар, он захотел первым подняться в воздух. Ему понадобилась вся его энергия и изобретательность, чтобы сначала познакомиться с конструктором, а затем убедить его лететь вместе. В назначенный день, не говоря сослуживцам ни слова, Федор ушел из казармы. На его несчастье именно тогда был произведен внеочередной смотр полка. Федора не было в самый ответственный момент. Вернулся он только вечером. Друзья встретили его рассказ о приключениях в воздухе восторгом и похвалой, а педантичный полковник из обрусевших немцев при всех отчитал его как мальчишку. Федор вскипел и вместо оправданий плюнул своему командиру в лицо. С огромным трудом полковник сдержался, чтобы не застрелить кадета на месте. Он вызвал Федора на дуэль, во время которой получил тяжелое ранение. Толстого разжаловали и посадили в тюрьму.

На милосердие суда рассчитывать не приходилось: полковник занимал высокое положение при дворе. Родственники стали думать, как помочь Федору.

Как раз в это время его двоюродный брат и тезка – Федор Петрович Толстой (будущий художник-медальер) – должен был отплыть в кругосветное плавание с экспедицией Крузенштерна. Художник страдал от морской болезни и всячески старался избежать путешествия. Обоим братьям можно было облегчить участь, заменив на корабле одного Федора Толстого другим. В конце концов, это удалось сделать, да так ловко, что Крузенштерн не успел ничего узнать о новом члене экипажа и оставил даже характеристику на «медальера» Толстого. В характеристике о Ф.Толстом говорилось как о «молодой, благовоспитанной особе, состоящей кавалером посольства в Японию».

Эта «особа» за несколько дней ухитрилась перессорить всех матросов и офицеров, да так, что хоть сейчас на ножи. А когда старенький, благообразный иеромонах Гедеон стал воспитывать Федора своими проповедями, буйный поручик напоил его до положения риз и, подождав пока Гедеон уснет, припечатал святейшую бороду к палубе сургучной печатью. Затем он уселся рядом с монахом и стал ждать пока тот проснется. Когда Гедеон с трудом продрал глаза, Федор закричал:

– Лежи, не смей вставать, печать казенная.

Гедеон с перепугу заплакал и стал просить, чтобы его отпустили.

– Не могу, – ответил Федор, – для этого надо обрезать твою бороду.

– Согласен, – жалобно простонал старичок, который в тот момент больше всего хотел опохмелиться.

Следующим в списке Толстого был капитан, который несколько раз строго отчитывал Федора за хулиганское поведение. Когда корабли прибыли на Маркизские острова, почти все члены экипажа вышли на берег. Они с удовольствием гуляли по острову, наслаждаясь его пышной природой. Федор же остался на корабле и стал дрессировать маленькую ручную обезьянку. Он хотел, чтобы мартышка в присутствии капитана измазала чернилами журнал с его научными наблюдениями. После усиленных занятий, Федор был уверен, что его уроки дадут желаемый результат. Так оно и оказалось. Крузенштерн сразу же догадался, кто все это подстроил. Терпение его лопнуло. Он высадил графа на остров с предписанием отправляться обратно в полк. Федор внешне спокойно выслушал приказ капитана, но на душе у него кошки скребли. Ему вовсе не улыбалось провести свою жизнь среди дикарей.

Он целыми днями ходил по берегу и смотрел в море, надеясь увидеть корабль. Прошло несколько месяцев прежде чем костер, который он постоянно поддерживал, был замечен, и к берегу пристало судно. Толстой чуть не потерял сознание от радости. В этот момент он готов был поклясться, что больше не сделает в жизни ничего дурного и сам искренне верил в это. На корабле он действительно вел себя очень тихо и без происшествий доплыл до Петропавловского порта Камчатки. Теперь ему предстояло путешествие через всю Сибирь. Отсутствие дорог не могло остановить Федора. Он отправился в Россию сквозь непроходимую тайгу со случайными проводниками, неделями не встречая других людей.

Через два года он подошел к столице. Появляться там ему было запрещено специальным указом Александра I. Лишь однажды Федор нарушил предписание императора. Узнав, что Крузенштерн вернулся и устроил бал в честь успешного завершения кругосветной экспедиции, Федор явился к нему и во всеуслышание поблагодарил за то, что по его воле так весело провел время на Алеутских островах. Свое появление на балу он объяснил тем, что также закончил кругосветное путешествие, только по другому маршруту.

С этого момента за ним прочно закрепилось прозвище «Американец».

Картежной шайки атаман

Федор не мог выдержать провинциальной скуки и чтобы заслужить прощение стал проситься в действующую армию. Помог ему князь П.М.Долгорукий. Он взял Толстого к себе адъютантом. Должность эту армейские офицеры презрительно называли «штабной», но Федор, опровергая сложившиеся мнение, участвовал в самых отчаянных операциях.

Во время боя при Иденсальме он с несколькими казаками удерживал чуть ли не полк отступающих шведов. Он не давал им разобрать мост, необходимый русским войскам для переправы. Вскоре подоспела подмога во главе с самим князем Долгоруким. Шведов оттеснили, а в самом конце боя шальная пуля попала князю в голову, и он умер на месте.

Федор тяжело переживал смерть друга. Он перенес тело князя в расположение русских войск и сказал, что не будет смывать кровь, которой запачкался, до тех пор, пока она сама не сойдет.

Потом, уже в составе Преображенского батальона, Федор провел разведку пролива Иваркен и убедился, что гарнизон шведов не силен. Он доложил об этом Барклаю де Толли, и тот с трехтысячным отрядом перешел по льду Ботнического Залива. Эта неожиданная атака решила ход Северной войны. Федор вернул себе офицерский чин и получил несколько почетных наград.

Настало мирное время, и Толстой увлекся карточной игрой. У столика, покрытого зеленым сукном, он мог проявить все стороны своей натуры: и азарт, и знание психологии, и математический расчет. Он играл некоторое время с незнакомым человеком, изучая его характер и

черты лица. Поняв как надо себя вести, чтобы выиграть, он принимался за дело. Иногда, стремясь вывести партнера из равновесия, он шутил в самый критический момент. Так, например, когда А.И.Нарышкин, прикупая карту, сказал:

– Дай туза!

Федор отложил карты, засучил рукава рубахи и, выставив кулаки, с улыбкой ответил: Изволь! Нарышкин обиделся на грубый каламбур и вышел. («Дать туза» значит ударить, отсюда и пошло слово «тузить») Федор догнал его и извинился, но Нарышкин ничего не ответил. Тогда Толстой принес свои извинения письменно, но и они не были приняты.

– Если бы на его месте был кто-нибудь другой, я посмеялся бы первый, а от известного бретёра оскорбления не стерплю.

Дуэль стала неизбежной. Первым выпало стрелять Федору и у самого барьера Нарышкин, глядя в глаза противнику, четко сказал:

– Если ты промахнешься, я убью тебя. Пора тебе кончать твои штучки».

– Раз так, получай, – ответил Федор и, выстрелив, смертельно ранил противника.

Драться с «Американцем» любым видом оружия было равносильно самоубийству, но иногда дворянин, дороживший своей честью, вынужден был потребовать сатисфакцию. Его очередной противник – морской офицер оказался именно в такой ситуации. Прекрасно зная, что Федор не умеет плавать, при выборе оружия он сказал:

– Мы схватим друг друга и бросимся с обрыва в воду. Проигравшим будет считаться тот, кто первым разожмет пальцы.

Так и сделали.

Противников не было на поверхности воды несколько минут. Секунданты решили, что оба утонули и достали тела. Позы утонувших говорили больше, чем могли бы рассказать они сами. Было видно, что морской офицер пытался оттолкнуть Толстого, но тот обнимал своего соперника мертвой хваткой. Пальцы Федора разжали с большим трудом. Стали откачивать.

Морской офицер утонул.

Федора откачали.

За эти дуэли Американца уволили со службы, разжаловали в рядовые и сослали в Калугу, где он жил в своем имении до начала войны с Наполеоном. Как только Родина оказалась в опасности, он стал в ряды ее защитников и опять начал службу в чине рядового. Проявляя чудеса героизма, он прошел от Бородинского поля до Парижа и закончил войну подполковником с орденом Георгия 4-ой степени. После войны он вышел в отставку и поселился в Москве. Там он вновь стал играть и иногда просиживал за картами до рассвета.

Страсть к банку! Ни дары свободы,

Ни Феб, ни слава, ни пиры

Не отвлекли б в минувши годы

Меня от карточной игры.

Задумчивый, всю ночь до света

Бывал готов я в эти лета

Допрашивать судьбы завет:

Налево ляжет ли валет?

Уж раздавался звон обеден,

В кругу разорванных колод

Дремал усталый банкOMET,

А я нахмурен, бодр и бледен,

Надежды полн, закрыв глаза,

Метал на третьего туза.(1)

Как-то заигравшись, Фёдор остался в Английском клубе с Гагариным один на один, а уже утром, подводя итог, сказал, что граф должен ему 2000 рублей.

– Это ложь, – возразил тот, – вы их записали, но я их не проигрывал.

– А я привык руководствоваться своей записью и сейчас докажу вам это.

Он встал, запер дверь и, положив на стол пистолет, сказал:

– Между прочим, эта штука заряжена, так что заплатить вам все равно придется. Даю на размышления 10 минут.

Гагарин откинулся на спинку кресла, смерил Толстого презрительным взглядом, вынул из кармана часы и бумажник, положил их на стол и сказал:

– Вот все мое имущество. Часы могут стоить 500 рублей, в бумажнике 25. Только это тебе и достанется, если ты меня убьешь, а чтобы скрыть преступление ты должен будешь заплатить не одну тысячу. Будешь ты в меня стрелять после этого? Даю на размышления 10 минут.

– Молодец! – воскликнул Федор восхищенно, – ты – Человек!

С тех пор они стали неразлучны, а вскоре Гагарин даже попросил Толстого быть секундантом. Его дуэль была назначена на 11 часов утра. Но когда Гагарин заехал к Федору в условленное время, тот еще спал. Разбудив Американца, он недовольно сказал: Разве ты забыл, ведь сегодня...

– Да, этого уж не нужно, – перебил его Федор, зевая, – я твоего приятеля убил.

Оказалось, что накануне он специально поехал к противнику Гагарина, поссорился с ним, вызвал его на дуэль, назначил дуэль на 6 часов утра, застрелил своего противника, вернулся домой и лег спать.

Прототип

Свой дом в Петербурге Федор превратил в Монте-Карло и приглашал туда самых разных людей. Бывали у него Жуковский и Вяземский, Грибоедов и Пушкин. Во время обеда с обильными возлияниями Федор рассказывал о своих необычных приключениях. Артист и талантливый импровизатор, он придумывал такие невероятные истории, что его современники использовали их в своих произведениях. Под впечатлением этих рассказов Грибоедов в своей комедии «Горе уму» писал:

Но голова у нас, какой в России нету
Не надо говорить, узнаешь по портрету.
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист,
Да разве умный человек и может быть не плутом.
Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем.
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет и мы все рыдаем.

Толстой сразу же узнал себя, но желая уточнить портрет, густо зачеркнул четвертую строчку и рядом написал: В Камчатке черт носил, а в скобках добавил: ибо сослан никогда не был. Не удовольствовавшись этим, он, встретив Грибоедова, спросил:

– Ты что это написал, будто я на руку нечист?

– Так ведь все знают, что ты передергиваешь, играя в карты, – ответил Александр Сергеевич.

– И только-то? – искренне удивился Федор, – так бы и писал, а то подумают, что я взятки беру.

Грибоедов пожал плечами, а когда уже после его смерти комедия была напечатана, после процитированных строк стояла звездочка, а сноска внизу гласила: «Ф.Т. передергивает, играя в карты, взятки он не берёт»

Пушкин слышал о нечистой игре Федора, но отказывался верить в это. Только воочию убедившись, что Американец передергивает, молодой поэт расстался с иллюзиями. Когда в конце игры Толстой потребовал деньги, Пушкин, смеясь, сказал: Ну что вы, граф, нельзя же платить такие долги.

– Почему? – спросил Американец.

– Вы же играете наверняка.

После такого замечания Толстой должен был вызвать Пушкина на дуэль, но вокруг сидели люди, которые считали Александра Сергеевича восходящей звездой русской поэзии. Их мнением Федор дорожил и ссориться с ними из-за безусого юнца не хотел. Решив обратиться все в шутку, Толстой изысканно поклонился и сказал:

– Только дураки играют на счастье, а я не хочу зависеть от случайностей и поэтому исправляю ошибки фортуны.

Все окончилось мирно, но в глубине души Фёдор затаил злобу на Пушкина и когда поэта выслали из Петербурга, Толстой стал под большим секретом рассказывать, что Александра Сергеевича вызвали в тайную канцелярию Его Величества и там высекли. Сплетня быстро распространилась по столице, но Пушкин узнал о ней несколько месяцев спустя, уже в Екатеринославле. Он был взбешен и, несмотря на предписание царя, хотел вернуться в Петербург, чтобы драться с Толстым на дуэли. С большим трудом друзья удержали поэта, и он излил свою желчь в стихах.

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен.
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он,
Но исправясь понемногу,
Он загладил свой позор
И теперь он, слава богу,
Только что картежный вор.

Федор воспринял эпиграмму как публичную пощечину и, не желая оставаться в долгу, состряпал ответ:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует нимало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл,
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Его рифмованные строчки резали слух, печатать их никто не хотел, но Пушкину они наносили страшное оскорбление, а именно этого Толстой и добивался.

Во время ссылки, долгих шесть лет Александр Сергеевич готовился к дуэли. В Одессе он ходил гулять с тяжелой железной палкой. Подбрасывал ее высоко в воздух и ловил, а когда кто-то из друзей спросил, зачем он это делает, поэт ответил:

– Чтобы рука была тверже, если придется стреляться, чтобы не дрогнула.

В Михайловском, вместе со своим соседом, Алексеем Вульфом, он по несколько часов в день стрелял в звезду, нарисованную на воротах бани.

В 1826 году Николай I вернул Пушкина в Москву. Сразу же после аудиенции с царем Александр Сергеевич послал секунданта к Ф.Толстому. К счастью, Американца в Москве не оказалось, а впоследствии дуэль удалось предотвратить. Очень скоро отношения врагов резко изменились: Федор познакомил поэта с семьей Гончаровых, а затем был сватом на его свадьбе.

Цыган

За карточным столом Американец редко встречал еще более искусных шулеров, чем он сам, но Огонь-Догановский оказался именно таким соперником. Проигрыш наличных денег Федор посчитал случайностью и стал увеличивать ставки. Догановский, подливая масла в огонь, несколько раз проиграл Толстому, а потом обчистил его так, что из-за стола Федор встал совершенным банкротом. Несколько дней он пытался раздобыть деньги, но все было безуспешно, и Американец решил покончить собой.

В то время он жил с цыганкой Авдотьей Тугаевой. Своей безропотностью она смягчала буйный характер Федора, и когда Толстой впал в депрессию, Авдотья, почувствовав неладное, не отходила от него ни на шаг. Он хотел отделаться от нее и, придравшись к какому-то пустяку, обругал ее последними словами.

– Что с тобой, Федя? – спросила она, и такое искреннее участие было в ее словах, что против воли он ответил:

– Жить не хочется, Авдотья.

– Почему?

– Мою фамилию должны вывесить на черной доске в Английском клубе за неплатеж долга, а я такого позора не вынесу.

Авдотья прекрасно знала, что карточный долг для любого дворянина был «долгом чести», а черная доска и исключение из Английского клуба унижением гораздо более страшным, чем разжалование в рядовые.

– Много ты должен? – спросила она.

– Какая разница, – махнул рукой Федор.

– Скажи, может я смогу тебе помочь. Ведь у меня есть друзья, у меня и свои деньги имеются.

Федор назвал сумму.

– Обещай мне ничего не предпринимать до моего возвращения, – горячо воскликнула Тугаева, – я тебе обязательно помогу.

– Обещаю, – устало сказал Федор.

Следующие двое суток он провел как в забытьи и когда Авдотья, вернувшись, дала ему пачку денег, он решил, что бредит. Она попросила его пересчитать банкноты, а он, не веря происходящему, молча смотрел на нее.

– Где ты их взяла? – спросил он, наконец.

– У тебя. Ведь мы с тобой живем 5 лет. За это время ты подарил мне много подарков. Я их очень бережно хранила, а теперь все продала, так что эти деньги твои.

От избытка чувств Федор не мог говорить. Он лишь обнял Авдотью и стал нежно целовать ей руки. А после того как расплатился с долгом, они обвенчались.

Некоторые знакомые не признавали его жену. Для чванливых представителей высшего света его брак был непростительным мезальянсом, и вокруг Федора образовалась непривычная пустота. Семейная жизнь его тоже складывалась трагично: дети его умирали в младенчестве. Толстой твердо уверовал, что Бог наказывает его за грехи молодости. После смерти первенца он даже наложил на себя епитимью: не пить полгода. Держался он стойко и только раз, когда после холостой пирушки к нему приехал один из приятелей, Федор попросил:

(– Дыхни на меня, хоть винца понюхаю.

Но епитимья не помогла. Дети продолжали рождаться и умирать. Тогда Федор Иванович завел синодик, в котором выписал имена убитых им на дуэлях. После смерти каждого своего ребенка он вычеркивал имя очередного убитого и сбоку писал «квит». Так у него умерло 11 детей, в том числе и любимая дочь Сара. Полностью заплатив дань Всевышнему, он тяжело вздохнул и сказал:

– Слава Богу, хоть мой цыганенок будет жить. И действительно двенадцатый его ребенок Наташа дожила до глубокой старости. Ф.Толстой стал глубоко верующим, часто ходил в церковь, а когда почувствовал приближение смерти, позвал священника. Исповедь продолжалась несколько часов. Батюшка был поражен искренним раскаянием и верой в милосердие Божие.

Похоронили Федора Ивановича Толстого на Ваганьковском кладбище.

(1)

Евгений Онегин.

Приметы и религия в жизни А.С.Пушкина

Скажи, какие заклинанья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.